

LITERATURE OF THE EAST
Literature of the peoples of the world. Reviews
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Литературы народов мира. Рецензии

Рецензия на книгу
УДК 821.222.1

Филологические науки

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-147-156>

Красота в зеркале поэтики. [Рец. на:] Чалисова Н. Ю. Красота по-персидски = Of Persian beauty: «Собеседник влюбленных» Шараф ад-Дина Рами. Пер. с перс. Н. Ю. Чалисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2021. 430 с.

Марина Львовна Рейснер

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Институт стран Азии и Африки, Москва, Россия,
marinareys@iaas.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0592-6334>*

Аннотация. Рецензируемая книга известного отечественного ираниста Натальи Юрьевны Чалисовой, переводчика и комментатора наиболее значимых и авторитетных средневековых трактатов по поэтике, составленных на персидском языке, представляет собой издание текста и комментированного перевода еще одного памятника литературно-теоретической мысли – трактата XIV в. «Собеседник влюбленных», составленного Шараф ад-Дином Рами. Это сочинение с точки зрения его содержания и жанра аналогов не имеет: оно соединяет в себе черты трактата об украшениях поэтической речи ('илм ал-бади') с формой словаря-каталога поэтических иносказаний, служивших для описания внешней красоты возлюбленной персоны. Уникальность трактата вкупе с распространенностью мотивов описания объекта любви и поклонения «с головы до ног» в разных жанрах персидской классической поэзии гарантируют читательский интерес к книге. Ее несомненно прочитают все без исключения иранисты, изучающие средневековую персоязычную литературу, – от академических исследователей и университетских преподавателей до студентов. Красота как основной предмет теоретизирования в средневековой поэтике обеспечит книге внимание медиевистов широкого спектра специальностей – историков, искусствоведов, культурологов и др.

Ключевые слова: рецензия; Н. Ю. Чалисова; Шараф ад-Дин Рами; поэтика; персидская классическая поэзия; «феноменология красоты»

Для цитирования: Рейснер М. Л. Красота в зеркале поэтики. [Рец. на:] Чалисова Н. Ю. Красота по-персидски = Of Persian beauty: «Собеседник влюбленных» Шараф ад-Дина Рами. Пер. с перс. Н. Ю. Чалисовой. М.: Изд. дом Высшей школы

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

экономики; 2021. 430 с. *Ориенталистика*. 2022;5(1):147-156. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-147-156>.

Book review

Philology studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-147-156>

**Beauty in the Mirror of Poetics [Book review:]
N.Yu. Chalisova. Of Persian Beauty. The Lovers'
Companion by Šaraf ad-Dīn Rāmī. Analysis, translation
from Persian, commentary, indices, and appendix.
Moscow: Higher School of Economics Publishing
House; 2021. 430 с.**

Marina L. Reysner

*The Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov State University, Moscow, Russia,
marinareys@iaas.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0592-6334>*

Abstract. The book under review is written by the renowned specialist in Iranian studies, the distinguished Russian scholar Natalia Yurievna Chalisova. She is known as the translator of the most significant and authoritative medieval Iranian treatises on poetics written in Classic Persian. The present book comprises a commented edition and translation of the poetical treatise by Sharaf ad-Din Rami under the title “Interlocutor of Lovers”, compiled in the 14th century. This is a unique work, which combines the features of the ‘*ilm al-badi*’ (adornments of poetic speech) with the list of poetical hints and expressions as applied to describe the beauty beloved. The book will obviously not be neglected by a modern lay reader since it comprises a captivating narrative along with a curious list of “motives” used in medieval poetry to describe the object of love and praise ‘*de capite ad calcem*’. It will also attract a scholar’s attention from academics to university teachers and students. Equally, the category of beauty in medieval poetics will earn the attention of medievalists, such as historians of medieval Iran, historians of art, culture and medieval philosophy, etc.

Keywords: review; N. Yu. Chalisova; Šaraf ad-Dīn Rāmī; Poetics; Persian Classic poetry; ‘phenomenology of Love’

For citation: Reysner M. L. Beauty in the Mirror of Poetics [Book review:] N.Yu. Chalisova. Of Persian Beauty. The Lovers’ Companion by Šaraf ad-Dīn Rāmī. Analysis, translation from Persian, commentary, indices, and appendix. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2021. 430 с. *Orientalistica*. 2022;5(1):147-156. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-147-156>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Введение

Рецензируемая книга [1] представляет собой результат многолетней работы Натальи Юрьевны Чалисовой над переводом на русский язык одного из памятников филологической мысли средневекового Ирана. Первые публикации переводов отдельных глав этого необычного трактата датируются началом 2000-х гг. Естественно, что за подготовкой полного комментированного перевода трактата «Собеседник влюбленных» к публикации стоят годы кропотливого труда, и конечный результат, несомненно, стоит вложенных в него сил и времени. Издание под одной обложкой текста, принадлежащего отдаленной эпохе, и его перевода, снабженного разноплановыми комментариями, – это совершенно особый и весьма актуальный тип филологического исследования. Такие труды практически не устаревают или устаревают очень медленно – они составляют прочный фундамент для изучения различных сторон исторического бытия художественной словесности отдаленных эпох. Что касается научного и читательского интереса к средневековой литературе, то он не ослабевает уже многие десятилетия, поэтому книга может привлечь внимание не только профессионалов, специализирующихся в области изучения персидской классической поэзии, но и медиевистов гораздо более широкого профиля.

Известный специалист в области традиционной поэтики, переводчик и исследователь ряда авторитетнейших персоязычных теоретических сочинений [2, 3], Н. Ю. Чалисова на этот раз обратилась к уникальному произведению, аналогов которому не найти ни среди арабских, ни среди персидских классических трактатов по поэтике.

«Собеседник влюбленных», разумеется, заинтересует в первую очередь иранистов-филологов, причем не только с точки зрения содержащегося в трактате богатого поэтологического и стихотворного материала, который дан в высококвалифицированном переводе на русский язык и тщательно откомментирован. Читателя не может не заинтриговать сам жанр, в котором этот трактат составлен.

«Феноменология красоты» как ключ к трактату «Собеседник влюбленных»

Как отмечено в предпосланном переводу ввводном исследовании, Шараф ад-Дин Рами создал текст во многих отношениях исключительный, объединяющий в себе черты классического трактата по поэтике, в котором стихотворные примеры иллюстрируют представленные составителем технические приемы построения фигуры или тропа, словаря-каталога поэтических иносказаний в области описания красоты возлюбленной персоны и отчасти даже мистического сочинения, указывающего правильный путь в науке созерцания земной красоты как подготовительной ступени к видению красоты Божественной.

Отсылкой именно к мистической традиции служит название сочинения, однако оно на поверку оказывается своего рода мистификацией: в трактате при наличии примеров из суфийской поэзии отсутствует религиозно-аллегорический аспект их толкования. Молчанию Шараф ад-Дина Рами на эту тему можно дать вполне убедительное объяснение. Время написания трактата – середина XIV в. – это период расцвета поэзии мистико-символического характера, эпоха газели, в которой двойственность значений становится нормой вне зависимости от взглядов и образа мысли создателя стихотворного текста. К этому времени персидская классическая поэзия всех жанров и форм

прошла длительный путь развития, в том числе и как часть суфийского религиозно-мистического дискурса. Внутри этого особого вида литературной практики формируется специфическая область иносказаний и коннотаций традиционного поэтического словаря, фонда мотивов и сюжетов, которая постепенно пронизывает жанровую систему на всех ее уровнях. К XIII в. скрытые значения поэтического языка становятся полноправной частью канона – без них поэзия уже себя не представляет. Каждый поэт этой эпохи мог с полным правом использовать возможности, которые ему давала заведомая многозначность текста, как осознанную художественную стратегию.

В этом историко-литературном контексте становится понятно, почему для Шафа ад-Дина Рами перестают быть актуальными различия между светской и религиозной поэзией. Его основной задачей является детальная репрезентация определенной сферы употребления поэтического языка, которая в его время оказалась наиболее востребованной создателями и потребителями литературной продукции. Для таких популярных видов персидской классической поэзии, как любовная лирика и любовно-романический эпос в их светской и религиозно-мистической вариациях, описание красоты человека является устойчивой нормой, постоянным жанровым идентификатором. Фундаментом для развития этого обширного семантического поля в лексиконе средневековой персидской поэзии послужил один из типов стандартного зачина арабской классической касыды, которая, будучи заимствованной персидской литературой и адаптированной ею, пережила свою наиболее продуктивную фазу развития в XI–XII вв.

Описание телесной красоты человека существует в поэтическом каноне в разных конфигурациях – от малого мотива, заключенного в рамки бейта (наименьшей единицы стиха арабского и персидского стиха), что характерно для малых форм поэзии, в первую очередь для газели, до целостных картин описания красавицы или красавца «с головы до ног», что типично для поэзии лироэпической (касыда) и эпической (маснави).

Для тех, кто изучает традиционную персидскую поэзию, переведенный на русский язык трактат «Собеседник влюбленных» представляет особый интерес, поскольку в нем, помимо приемов описания красоты, были зафиксированы и эстетические представления средневековых иранцев, нашедшие отражение и в слове, и в живописном изображении. Таким образом, идеал красоты, формировавшийся веками, был последовательно закреплен сначала в поэзии, а затем и в ученом трактате, и в книжной миниатюре. Что касается самого трактата, то по упорядоченности композиции и стилистическому оформлению он являл собой произведение, близкое к образцам изящной словесности.

В предпосланном переводу исследовательском разделе, который далеко выходит за рамки традиционной вводной статьи, Н. Ю. Чалисова ставит ряд интереснейших научных проблем, в частности проблему и генезиса описания красоты человека в персидской словесной традиции, и формирования конвенций поэтической «феноменологии красоты» (*husn-šināsi*). При усвоении арабской теоретической поэтики с ее четко выверенной системой метрики, рифмы и украшений стихотворной речи, поэзия на классическом персидском языке синтезировала в литературной практике заимствованные правила стихосложения и собственную художественную традицию, уходящую корнями в эпоху доисламской древности и раннего Средневековья.

Идеалы красоты и гармонии человеческого тела, по мнению исследователя и переводчика «Собеседника влюбленных», начали формироваться в те времена, когда в иранской словесности еще не были осознаны эстетические параметры восприятия речи. Тем не менее представления о красоте человека и окружающего его мира начали складываться в иранской культуре именно тогда, что и повлияло на конечный результат того сложного процесса, который в науке именуется арабо-иранским литературным синтезом.

Во вводной статье автор книги формулирует свою точку зрения четко и последовательно: «Именно высокая степень конвенциональности описаний заставляет предположить, что и в этом секторе топики первые поколения персидских классиков опирались отнюдь не только на достижения арабских классиков аббасидской эпохи, но и – прямо или опосредованно – на национальную традицию, сложившуюся задолго до прихода ислама» [1, с. 23]. Действительно, если обратить внимание на образные клише персидского поэтического лексикона, наиболее часто употребляемые для описания красоты любого объекта, будь то ландшафт, интерьер или человеческое существо, то станет очевидной высокая частотность сезонной топики, связанной с весенним календарным празднеством – Ноурузом. Ноуруз и после распространения ислама на иранских землях оставался не только одним из главных праздников годового круга, но и своего рода мерилom всякого совершенства и гармонии. По словам мусульманского энциклопедиста ал-Бируни, знатока календарей и календарных праздников всех известных ему народов, «Ноуруз стал указанием на начало мира». Изначальная красота и безгрешность сотворенного Богом мира в иранском поэтическом сознании оказалась связана с празднеством начала года, весенним возрождением растительной жизни, новоявленностью цветущей юной природы. Словарь совершенной красоты, в том числе и человеческой, напрямую связан с приемами эстетизации пространства с целью созерцания, любования. Н. Ю. Чалисова приводит неоспоримые свидетельства связи идеала земной женской красоты с древнейшими представлениями о красоте божественной, которые сложились в рамках культа благого женского божества зороастрийского пантеона – Ардвисуры-Анахиты. Ее «портрет», содержащийся в дошедшем до нас гимне Авесты, намечает тот мифологический фундамент, на котором в дальнейшем выстраивается поэтический образ телесной гармонии и соразмерности. В дальнейшем на этой основе в одном из дидактических сочинений пехлевийской литературы формируется и сводный каталог тех самых «феноменов красоты», которые в поэзии разовьются в полноценную систему топосов и тонко проработанных иносказаний.

Мотивы описания всяческой красоты, и в первую очередь – внешней красоты человека, входили в канонический репертуар разных жанров, однако все они составляли «зону ответственности» той категории стихов, которая обозначалась термином *васф*. Объекты описания могли быть различны и зависели от доминирующей темы (любовная, календарная, пиршественная, охотничья и т. д.), однако принципы эстетического отбора этих объектов и характер построения образа обнаруживают несомненную системность. С этой точки зрения предлагаемый читателю перевод трактата может служить своеобразным ключом к пониманию самих основ эстетики описательной поэзии во всех его разновидностях. И все же описание «возлюбленной персоны», неважно – красавицы или красавца, вне всякого сомнения, лидирует среди

всех иных разновидностей *васфа*. По тонкому наблюдению Н. Ю. Чалисовой, именно чрезвычайная востребованность «любовного» *васфа* в эпоху, к которой принадлежал Шараф ад-Дин Рами, и побудила его взяться за составление столь необычного с точки зрения самой поэтологической традиции арабов и персов сочинения.

По причине жанровой исключительности «Собеседника влюбленных» у переводчика и возникла необходимость обратиться к проблеме генезиса темы «облик кумира» в персидской классической поэзии. Потребность в анализе истории становления этой области поэтических конвенций сформулирована в исследовательской части книги точно и убедительно: «Основная проблема, задающая рамку теоретических рассуждений автора и определяющая подбор иллюстраций, связана с неудержимым, хоть и тщетным, стремлением поэтов собрать воедино “рассыпанные” в мире феномены красоты, выразить в слове ее невыразимую и трансцендентную суть. Само появление сочинения, специально посвященного этой теме, свидетельствует о ее значимости в традиции» [1, с. 21]. Далее эта отправная точка подхода к переводимому тексту уточняется и конкретизируется: «Описания героини романтической поэмы-маснави (Вис, Лайли, Ширин), “кумира поэта” во вступительной части панегирической касыды, виночерпия или недостижимого друга в газели, при всей разности тематических и стилистических регистров, используют единый поэтический словарь и каталог канонических мотивов, в наиболее концентрированном виде представленный, конечно, в любовной газели» [1, с. 23]. Отмечаемая в исследовании универсальность словаря красоты выражается не только в том, что он применялся в описании «нежных женщин и могучих мужчин» [1, с. 23], но и в том, что он в равной мере относился к трем постоянным адресатам «посланий» и «обращений» в персидской классической поэзии – возлюбленному / возлюбленной (*ma'sūq*), восхваляемому лицу (*tamdūh*) и объекту религиозного поклонения (*ma'būd*).

Если исходить из факта появления в XIV в. такого трактата, то сам собой напрашивается вывод о том, что в предшествующие века шло последовательное накопление того слоя поэтических мотивов, конвенций и иносказаний, которые сделали необходимым его составление. Нормативная поэтика, как известно, реагирует на изменения в поэтической практике с известным опозданием, связанным с самим характером проявления традиционалистского типа художественного сознания.

Стихотворные тексты на классическом персидском языке начиная с рубежа IX и X вв. постоянно расширяли жанровый диапазон применения конвенционального словаря того тематического круга, который в конце концов и составил предмет теоретизирования в «Собеседнике влюбленных». «Каталог» феноменов красоты начал свое триумфальное шествие с касыды, в которой он составлял одну из двух стереотипных возможностей реализации любовной темы. Ведь в *насибе* (любовном вступлении к панегирику) можно было и рассказать о перипетиях любви и сердечных муках, и описать красоту неприступного кумира, который явился источником страданий несчастного влюбленного. Красота по-персидски может представляться не только в образах весеннего цветущего сада, полного благости и прелести, она еще и вооружена и опасна, ибо кудри кумира – это искусно расставленные тенета, брови – лук, ресницы или взгляды – метко разящие стрелы. Красота может

одновременно и врачевать, и ранить. В любом случае, в персидской классической поэзии красота всегда служит побудительной силой любви.

Именно этот «каталог», представлявший телесную красоту кумира «с головы до ног», и был инкорпорирован в поэмы о любви: среди прочих составляющих, формировавших новый жанровый облик повествования (лирических монологов, писем влюбленных, устойчивого набора ситуаций и персонажей), описание красоты главных героев способствовало превращению старых батально-эпических сюжетов в полноценные романы. По мере вызревания канона любовно-романтической поэмы описания прекрасного внешнего облика возлюбленных, которым отводились подчас целые главы, превращаются в один из постоянных жанровых маркеров. Взяв старт достаточно скромными по объему описательными фрагментами в любовных повестях героической эпопеи Фирдоуси «Шах-наме», описания прекрасных возлюбленных «с головы до ног» обретают окончательный вид в поэмах Низами, входящих в его знаменитую «Пятерицу». Получив практически постоянную прописку в завязках историй, развернутые «каталоги» феноменов красоты стали непременным атрибутом стереотипной ситуации заочной влюбленности (во сне, с чужих слов, по портрету), которая служила отправной точкой развития любовного сюжета.

Исключительной технической сложности и виртуозности достигли мотивы описания красоты в газели на этапе ее наивысшего расцвета в XIII–XIV вв. Газель как малая лирическая форма создает специфические условия для реализации описательных мотивов, которые в ней в силу ограничения поэтического пространства редко занимают более одного-двух стихов-бейтов. Тем не менее значимость описательных элементов в газели трудно переоценить, ибо они входят в канон репрезентации любви в ее земной и божественной ипостаси.

Несмотря на то что газель на протяжении столетий расширяла свой тематический репертуар, и к обозначенному периоду не осталось по существу ни одной темы традиционной лирики, которая не нашла бы места в ее репертуаре, отношения влюбленных и любящих оставались главным объектом внимания тех, кто слagal стихи в этой форме. Сформировавшись в поэзии средней и крупной формы (касыде и маснави), «каталоги» феноменов красоты в их «точечной» реализации в газели могли выполнять функцию своего рода экспозиции, которая в «свернутом» виде передает одну из стереотипных ситуаций касыдного *насиба* – приход возлюбленной / возлюбленного на свидание к лирическому герою. Постоянным атрибутом этого типа зачина как раз и выступает канонический портрет гостыи или гостя вне зависимости от того, происходит ли это событие наяву или представляет собой сон или видение. Гость является на ночное свидание с неизменной чашей вина и музыкальным инструментом. Перенесенная в газель, эта лирическая ситуация задает тон всей газели. Другой возможностью включения описательных мотивов в ткань газели было закрепленное всей поэтической традицией X–XIV вв. восприятие красоты как источника любви. Каждая область иносказаний, связанных с красотой объекта любви и поклонения, отвечала за определенный спектр чувств, пробуждаемых ею в душе влюбленного. В результате «феноменология красоты» оказалась неразрывно связана с «феноменологией любви», что приобрело особое значение в рамках мистических интерпретаций всей богатейшей палитры мотивов любовной лирики.

Заключение

Перевод этого своеобразного, но весьма закономерного для своей эпохи и персидской классической литературы в целом памятника теоретической мысли, выполнен с ясным пониманием его уникальности, внутренней логики и красоты, что полностью соответствует духу и букве самого сочинения Шараф ад-Дина Рами. Поскольку Н. Ю. Чалисова накопила огромный опыт работы в области филологического перевода и комментирования оригинальных поэтических текстов высокой степени сложности [4, 5], иллюстративные примеры, приведенные Шараф ад-Дином Рами в его «Собеседнике влюбленных», не просто понятны ей как профессиональному иранисту-филологу, но глубоко прочувствованы и пропущены сквозь ее собственное языковое и литературное восприятие.

Текстологические и историко-литературные аспекты исследования, связанные с обстоятельствами создания, изучения и публикации текста «Собеседника влюбленных», представлены в книге с характерными для научного почерка Н. Ю. Чалисовой тщательностью и скрупулезностью. Для тех начинающих профессиональную карьеру востоковедов-филологов, кто видит себя на пути освоения памятников традиционной словесности Востока, созданных на разных языках и в разных жанрах, рецензируемая книга может считаться образцом работы с текстом, на который следует равняться.

Публикация этой работы внесла значимый вклад в копилку наших знаний о средневековом поэтическом искусстве и его внутренних законах. Для современного человека эстетическая природа произведений, созданных по законам нормативной поэтики и принадлежащих иному типу художественного сознания, остается загадкой, пока мы не начинаем вслушиваться в голоса самих создателей и знатоков поэзии, которые дошли до нас через века и вошли в сокровищницу всемирной литературы.

В связи с вышесказанным полагаю, что рецензируемая книга будет настольным чтением не только для специалистов по средневековой персидской поэзии, но может привлечь и медиевистов самого широкого профиля. Она также открывает много новых граней интеллектуальной, литературной, культурной жизни средневекового общества для историка, искусствоведа, культуролога и религиоведа. Каждый из представителей этих гуманитарных наук найдет в трактате «Собеседник влюбленных» и в той интерпретации, которую ему дала в своей книге Н. Ю. Чалисова, отправные точки для собственных профессиональных размышлений. Особую ценность это издание имеет для преподавателей истории персидской литературы и студентов-филологов, осваивающих поэтические шедевры классической литературы Ирана, который по сей день остается страной «логоцентрической» и по праву гордится многовековым литературным наследием, ставшим признанной составляющей мировой художественной культуры.

Литература

1. Чалисова Н. Ю. Красота по-персидски = Of Persian beauty: «Собеседник влюбленных» Шараф ад-Дина Рами. Пер. с перс. Н. Ю. Чалисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2021. 430 с.

2. Рашид ад-Дин Ватват. *Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хадаик ас-сихр фи дакаик аш-ши'р)*. Перевод с перс., исследование и комментарий Н. Ю. Чалисовой. М.: Наука; ГРВЛ; 1985.

3. Шамс ад-Дин Мухаммад Ибн Кайс ар-Рази. *Свод правил персидской поэзии (Ал-Му'джам фй ма'аййр аш'ар ал-'аджам)*. Пер. с перс., исслед. и коммент. Н. Ю. Чалисовой. М.: Восточная литература; 1997.

4. Низами. *Лайли и Маджнун*. Введ., пер. с перс. и коммент. Н. Ю. Чалисовой, М. А. Русанова. М.: РГГУ; 2008.

5. Пригарина Н., Чалисова Н., Русанов М. *Хафиз. Газели в филологическом переводе. Ч. 1 (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XLII: Восток и античность в классических текстах)*. М.: РГГУ; 2012.

Информация об авторе

Рейснер Марина Львовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иранской филологии Института стран Азии и Африки Московского университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-0592-6334>, marinareys@iaas.msu.ru

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22 января 2022. Одобрена после рецензирования: 02 февраля 2022. Принята к публикации: 02 февраля 2022. Опубликована: 30 марта 2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Chalisova N. Yu. *Krasota po-persidski. = Of Persian beauty: "Interlocutor of lovers" Sharaf ad-Dina Rami*. Moscow: Izd. dom Vyssheĭ shkoly ekonomiki, 2021. 431 p. (In Russ.)

2. Chalisova N. Yu. (transl. from pers., comment.) Rashid ad-Din Vatvat. *Gardens of magic in the subtleties of poetry (Khadaik as-sikhr fi dakaik ash-shi'r)*. Moscow: Nauka; GRVL; 1985. (In Russ.)

3. Chalisova N. Yu. (transl. from pers., comment.) Shams ad-Din Mukhammad Ibn Kays ar-Razi. *Code of Practice for Persian Poetry (Al-Mu'dzham fū ma'āyūr ash'ār al-'adzham)*. Moscow: Vostochnaya literature; 1997. (In Russ.)

4. Chalisova N. Yu., Rusanov M. A. (Introduct., transl. from pers., comment.) Nizami. *Layli i Madzhnun*. Moscow: Izdatel'stvo RGGU; 2008. (In Russ.)

5. Prigarina N., Chalisova N., Rusanov M. *Hafiz. Ghazals in philological translation. Part 1 (Orientalia et Classica. Works of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity. Issue XLII: East and Antiquity in Classical Texts)*. Moscow: Izdatel'stvo RGGU; 2012.

Information about the author

Marina L. Reysner – Dr. Habil. (Philolog.), Prof. of the Departments of Iranian philology, Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov State University, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-0592-6334>,
✉ marinareys@iaas.msu.ru

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: January 22, 2022. Approved after peer reviewing: February 02, 2022.
Accepted for publication: February 02, 2022. Published: March 30, 2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.